

EDN: ODFQEO
УДК 81'42

Destructive Texts in Mass Media: Identification and Parameterization Issues

Iana A. Volkova*

*Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation*

Received 22.01.2024, received in revised form 17.02.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. Destructiveness is considered as a content category of the text; an attempt is made to identify the parameters of the destructive text in the media discourse. The relevance is determined by several factors, among which are the erosion of genre and ethical norms in communication and the need to develop and implement norms of respectful communication in the media. The subject is the ways and means of expressing the destructive component in media texts of different genres. To achieve this, the place of destructiveness among the related concepts of aggression / aggressiveness, hostility and conflict is determined. It is shown that hostile emotions trigger the use of linguistic means of expressing aggression in texts, thus implementing the destructive intention of the author/addressee. Of the five dimensions of destructive communication previously defined for discourse, three – intentional, emotional, and situational – are found applicable to the destructive text. The method of qualitative contextual text analysis was chosen as the main methodological tool of the study. It was applied for journalistic texts, texts of notes and blogs, as well as initiating texts and commentary texts in social media with a total of 300 units. It is revealed that the intentional and emotional-semantic focuses of the text can help identify its destructive component. The analyzed material showed that the destructiveness in texts may be defined through an intention to humiliate the object (which may be different from the addresser) and/or to assert themselves by humiliating the object. The destructive intention is embodied in the content components of the text, which include obscene, negatively colored emotional and evaluative, and substandard vocabulary. The destructive component can also be expressed through the imperative, thus initiating a psychological pattern for the physical destruction of the object. The third parameter involves a violation of the text axiological structure, with anti-values presented as predominant.

Keywords: destructiveness, destructive text, intention, content category, axiological dominant.

Research area: social structure, social institutions and processes; media communications and journalism.

Citation: Volkova Ia. A. Destructive texts in mass media: Identification and parameterization. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 938–949. EDN: ODFQEO

Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации

Я.А. Волкова

*Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Рассматривается деструктивность как содержательная категория текста, а также предпринимается попытка выделить параметры деструктивного текста в медийном дискурсе. Размывание жанровых и этических норм в общении, а также практическая целесообразность разработки и внедрения норм уважительного общения в медиа определяют актуальность проведенного исследования. Предметом исследования являются способы и средства выражения деструктивного компонента в медийных текстах разных жанров. Для этого определяется место деструктивности в ряду смежных понятий агрессии/агрессивности, враждебности и конфликтности. Показано, что враждебные эмоции актуализируют использование языковых средств выражения агрессии в текстах, реализуя деструктивную интенцию автора/адресата текста. Из пяти параметров деструктивного общения, определяемых для дискурса, три, а именно интенциональный, эмоциональный и ситуативный, применимы для деструктивного текста. Основным методологическим инструментом исследования выбрана методика качественного контекстуального анализа текста, использованная при анализе публицистических текстов, текстов заметок и блогов, а также иницирующих текстов и комментариев в социальных медиа общим количеством 300 единиц. Установлено, что выделенные в результате контекстуального анализа интенциональные и эмоционально-смысловые доминанты текста позволяют определять в тексте деструктивный компонент. Показано, что деструктивность текстов обусловлена наличием интенции унижить объект (который может не совпадать с адресатом текста) и/или утвердиться/возвыситься за счет унижения объекта. Деструктивная интенция воплощается в содержательных компонентах текста, выраженных с помощью обценной лексики, негативно окрашенной эмоционально-оценочной лексики, а также стилистически сниженной лексики. Деструктивный компонент может быть также выражен через побуждение, посредством чего реализуется установка на физическое уничтожение объекта. Третьим параметром деструктивного текста является нарушение аксиологической структуры текста: в качестве доминантных представлены анти-ценности – нарушение принципов кооперативности общения, преобладание деструктивных эмоций, стремление понизить статус адресата текста или объекта деструктивности, обозначенного в тексте.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивный текст, интенция, содержательная категория, аксиологическая доминанта.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Волкова Я. А. Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 938–949. EDN: ODFQEO

Введение и постановка проблемы

Понятие текста в современной лингвистике трактуется необычайно широко – по сути дела, оно включает «визуализированные произведения, произвольно организованные речевые высказывания (например, естественная письменная речь), транслируемые по разным каналам восприятия и направленные на обслуживание разных сфер современной жизни» (Ionova, 2018). По мнению С. В. Ионовой, лингвистика сегодня успешно примиряет спор сторонников узкого и широкого подходов к трактовке текста (Ibid.), ибо текст являет собой некое всеобщее свойство (весь мир – это текст, в теории постмодернизма) и «конденсатор культурной памяти» в теории Ю. Лотмана (Lotman, 1996: 10). Столь широкое понимание текста позволяет говорить о расширении набора его содержательных категорий, подходы к которым также существенно разнятся. Традиционный подход к выделению и классификации текстовых категорий содержится в работе И. Р. Гальперина (1981) (Gal'perin, 2020), и за последние десятилетия он был существенно уточнен, расширен и дополнен десятками исследователей, ряд которых рассматривает в качестве содержательных категории текста, «связанные с отражательной способностью человеческого мышления, базовыми координатами когнитивной деятельности – человек, пространство и время» (Belyaeva, 1998: 6). Посредством данных содержательных категорий реализуются базовые текстовые категории информативности и модальности, которые образуют важнейшую категорию текста – категорию коммуникативности. Очевидно, что человек, занимая центральное положение в содержательных категориях текста, являет собой средоточие значений,

смыслов, оценок и отношений, что делает изучение текстов задачей не только первостепенной важности, но и первостепенной значимости для лингвиста, особенно с учетом междисциплинарного характера современных исследований. Противоречивая природа человека отражается как в его действиях, так и в их языковой проекции – текстах. Особый интерес в этом плане представляет поиск тех элементов и компонентов, которые выводят текст за границы «нормальности» в когнитивном и эмоциональном плане.

Последние годы в лингвистике текста появился ряд публикаций о так называемых текстах деструктивной направленности (Zlokazov, 2015; Gostiunina, 2019; 2021), под которыми понимаются тексты, «констатирующие, иллюстрирующие агрессивные и насильственные действия или призывающие к их совершению» (Zlokazov, 2015: 25). Данное понятие зачастую ассоциируется с так называемыми экстремистскими текстами – термином, ставшим чрезвычайно широко употребляемым в настоящее время. Однако очевидно, что понятия деструктивности и экстремизма являются соотносимыми, но не равноположенными, и подменять одно другим представляется неверным. Подобного рода тексты стали одним из объектов лингвистики информационно-психологической войны – нового научного направления, изучающего речевые технологии информационно-психологической агрессии и разрабатывающего пути противодействия ей (см., например, (Skovorodnikov et al., 2019; Koprina et al., 2021)). Ввиду растущей агрессивности и нетерпимости общества можно говорить о высокой актуальности проблемы деструктивности в коммуникации, что, несомненно, находит отражение и в текстах. Однако что считать деструктивным текстом? Для ответа на этот вопрос полагаем необходимым рассмотреть

место деструктивности в ряду смежных понятий агрессивности/агрессии, враждебности и конфликтности, а также попытаться выделить параметры деструктивного текста.

Концептологические основания исследования

Проблема деструктивности в человеческом обществе не нова, попытки дать определение и объяснить природу этого явления, предложить классификации деструктивных действий и выработать методы противодействия им неоднократно предпринимались как в философии (включая такие течения, как философская антропология (см. труды М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена), русская религиозная философия (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.И. Шестов), экзистенциализм (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер), постмодернизм (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида), так и в биологии (в частности, в этологии), нейрофизиологии и психологии. Большинство философских определений подчеркивает двойственную природу деструктивности и выделяет ее созидательное начало: несмотря на то, что содержание деструктивной деятельности есть разрушение объектов и систем, и самой личности (например, суицид), деструктивность в конечном итоге способствует конструктивной деятельности и имеет «созидательную цель» (Lysak, 2007: 5).

В среде биологов и нейрофизиологов также нет единства по поводу природы деструктивности: так, например, исследования этологов по агрессии животных подтверждают отсутствие деструктивных проявлений среди братьев наших меньших. Считается, что причина этого заключается в так называемом популяционном инстинкте, который отсутствует у человека, но запрещает животным уничтожать себя (см. напр. (D'iusberi, 1981; Lorents, 1998; Shoven, 2009). Что касается нейрофизиологических факторов деструктивности, то, несмотря на то, что существует ряд исследований, доказывающих связь деструктивных действий с повреждениями мозга, влияние

последних на немотивированную агрессию и деструкцию изучено недостаточно для подтверждения прямой зависимости между ними. Здесь уместно вспомнить слова физиолога Ч. Шеррингтона, сказанные более ста лет назад, об отсутствии у исследователей научного права увязывать опыт разума с физиологическим началом.

Идея Ч. Шеррингтона о двух разных началах – физиологического и психического, лежащих в основе личности (Sherrington, 1969), перекликается с концепцией человеческой деструктивности, разработанной Э. Фроммом. По сути дела, эта концепция до сих пор остается единственной попыткой проникнуть в природу деструктивных действий и объяснить ее реальными причинами. Именно Э. Фромму принадлежит идея о том, что деструктивность и агрессия представляют собой разные явления, при этом деструктивность является свойством исключительно человеческой психики и не связана с агрессивными животными инстинктами. По Э. Фромму, деструктивность, или злокачественная агрессия, – это результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека, к которым Э. Фромм относит стремление к любви, добру, правде и справедливости. Если человек не может по каким-либо причинам удовлетворить эти потребности, то появляется ненависть, садизм и другие формы деструктивности (Fromm, 2017).

Мы позволили себе столь обширный экскурс в лингвистическую историю вопроса для того, чтобы показать всю сложность проблемы определения понятия деструктивности и, соответственно, невозможность свести его к простому определению типа разрушения объектов или систем. Деструктивность является уникальным свойством человеческой психики и находит свое выражение не только в физических действиях (ударил или убил), но и в языковых произведениях – текстах и дискурсах. В лингвистике термин «деструктивное общение» впервые был определен в учебнике В.Н. Куницыной и др. как «формы и особенности контактов, которые пагубно

сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» (Kunitsyna et al., 2001: 271). В своих исследованиях проблем деструктивности в коммуникации мы попытались уточнить данное понятие, проанализировать концептуальное пространство деструктивности, а также описать коммуникативное поведение деструктивной коммуникативной личности в дискурсе (Volkova, 2014), не обращая при этом к понятию и параметризации деструктивного текста. Для деструктивного типа общения были выделены следующие параметры: 1) интенциональный – намерение причинить объекту физический или моральный вред; 2) эмоциональный – стимулом деструктивного общения выступают эмоции гнева, отвращения и презрения («триада враждебности» по К. Изарду) и их производные (ненависть, зависть, ревность, и др.); 3) ситуативный – деструктивная интенция реализуется в коммуникативных ситуациях, в которых присутствуют показатели проявлений прямой или косвенной агрессии (вербальные и/или невербальные); 4) прагматический – негативная эмоциональная реакция адресата определяется посредством оценки его отрицательных вербальных и/или невербальных реакций на коммуникативное поведение субъекта деструктивного общения; 5) оценочный – адресант оценивает себя и свои вербальные / невербальные действия, не сочувствуя адресату и не раскаиваясь в своих действиях (Volkova, 2014: 70). Представляется очевидным, что данные параметры возможно отследить в дискурсе с помощью методик и приемов дискурс-анализа, однако для текста не все они оказываются релевантными и требуют уточнения.

Описание методики исследования

Для определения места деструктивности в ряду смежных понятий использовался дефиниционный и семантический анализ. Репрезентация деструктивности в тексте рассматривается с помощью метода контекстуального / контекстологического анализа, основанного на допущении, что любое высказывание является функ-

цией контекста и его значение выводится из конкретной ситуации общения так же, как и из звуков, составляющих данное высказывание (Firth, 1935). Контекст при этом понимается в широком смысле, а именно как контекст ситуации, т.е. связанный текст, взятый в совокупности с прагматическими, психолингвистическими, социолингвистическими, культурологическими и иными экстралингвистическими факторами, хотя значение имеет и анализ непосредственно окружения слова (микрконтекста).

Данный метод относится к качественным методам анализа и предполагает определенную «чувствительность к контексту» (термин О.И. Щербаковой), т.е. понимание ситуации, в первую очередь конфликтной, и умение рассматривать ее исходя из возможных последствий (Shcherbakova, 2009: 72).

Попытки применить методы сентимент-анализа или анализа тональности текста для определения плотности отрицательных эмотивов (термин В.И. Шаховского) и выявления лексики, отражающей деструктивные эмоции, пока не дали ощутимого результата. В качестве пилотного исследования идентификация ключевых слов была проведена на материале 20 текстов с помощью программ AntConc и InfraNodus. Компьютерная программа достаточно успешно идентифицирует отдельные слова и распознает некоторые языковые модели, однако не способна адекватно интерпретировать эмоциональную тональность контекста без помощи человека. Таким образом, количественные методы контекстного анализа при работе с материалом данной статьи не использовались.

Материалом исследования послужили медийные тексты различных жанров, включая публицистические тексты, тексты заметок и блогов, а также иницирующие тексты и тексты комментариев в социальных медиа общим количеством 300 единиц. Критерием отбора явилась тематика (актуальные, «эмоциогенные», проблемы общественной жизни), наличие в текстах признаков агрессии – отрицательных эмотивов, грубой лексики, средств эмоциональной

оценки, эмфатических конструкций, а также средств речевого манипулирования. Таким образом, охват текстов по содержанию был максимально широким. Далее текст подвергался процедуре контекстуального анализа на предмет поиска дополнительных смыслов, валентностей, интертекстуальных связей и эмоциональной доминанты.

Выделенные в результате контекстуального анализа интенциональные и эмоционально-смысловые доминанты текста позволяют интерпретировать тексты с точки зрения наличия/отсутствия в них деструктивного компонента, а также охарактеризовать некоторые критерии отнесения текста к деструктивному типу.

Анализ материала и результаты исследования

Решая первую задачу настоящего исследования, а именно отграничение деструктивности от смежных понятий агрессии/агрессивности, враждебности и конфликтности, еще раз обратим внимание на то, что деструктивность понимается в терминах концепции Э. Фромма, которая выходит за рамки толкования данного термина как «разрушительности/стремления к разрушению объектов и систем». Вслед за Э. Фроммом мы разделяем агрессию как биологически адаптивную функцию, поведенческую реакцию нападения в ответ на угрозу витальным интересам человека, и деструктивность – злокачественную разновидность агрессии, намеренное совершение агрессивных действий (как вербальных, так и невербальных) с целью причинить физические и душевные страдания другому человеку. Агрессивность рассматривается как склонность индивида к агрессивным действиям. Деструктивность, таким образом, отличается от агрессии интенциональной составляющей, а также наличием эмоционального стимула, который и «запускает» деструктивность в дискурсе или тексте. Враждебность представляет собой когнитивную функцию, желание причинить объекту вред, сопровождающееся различными взаимодействующими эмоциями

(Izard, 1980: 302). Конфликт представляет собой, в широком смысле слова, любое столкновение интересов, точек зрения, мнений и пр. Несмотря на то что в бытовом понимании конфликт в основном нежелателен и связан с отрицательными эмоциями и агрессивным поведением, психологи усматривают в нем и позитивный аспект, который заключается в возможности его конструктивного разрешения и, соответственно, дальнейшего развития личности и социума (Moroz, 2011). Более того, в педагогике рассматривается необходимость формирования конфликтологической компетентности как интегрального качества личности, необходимого для нравственного развития человека (Dzaraeva, 2017). Таким образом, конфликтность подразумевает возможность конструктивного разрешения противоречий, в то время как деструктивность актуализирует негативные эмоции и стремление возвыситься за счет унижения другой стороны, подавить ее эмоционально и психологически. При этом негативная эмоциональная реакция другой стороны либо игнорируется, либо приносит удовлетворение «агрессору».

Анализируемый материал представлен тремя группами текстов. Первую группу составляют тексты интервью и выступлений публичных персон и/или соответствующие контексты рефлексии этих выступлений, содержащие деструктивный компонент либо рефлексии на него; во второй группе представлены тексты заметок или блогов, содержащие лингвистическое отражение (номинацию, дескрипцию или экспрессию) деструктивных эмоций; третья группа представлена иницирующими текстами (содержащими деструктивный либо потенциально деструктивный компонент) и текстами-комментариями пользователей, спровоцированными иницирующим текстом.

В текстах первой группы широко представлена прямая вербальная агрессия (как правило, речевые действия угрозы и оскорбления без использования табуированной лексики), с интенцией оскорбить, унижить, дискредитировать адресата.

Приведем примеры из контекстов рефлексии (серии статей в изданиях «KazanFirst» и «Коммерсант»), описывающих коммуникативное поведение телеведущего В.Р. Соловьева в некоторых конфликтных коммуникативных ситуациях: в первом примере журналист оскорбляет в прямом эфире (01.10.2019) жителя Татарстана, давшего ему в письме нелестную характеристику:

(1) *Журналист Владимир Соловьев в программе «Полный контакт» на радиостанции «Вести ФМ» обозвал жителя Татарстана «мразью». Так он отреагировал на характеристику, данную ему слушателем. <...> «Некто Хасанов из Татарстана... Ты мразь! Ты, мразь, за кого? Не позорь Татарстан, мразь! Лакей, путиноид... Ты то чей? Отдам твой телефон, проверять таких, как ты, надо! А потом они в ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) всплывают!» – заявил Соловьев* (<https://kazanfirst.ru/news/500961>).

Во втором примере В.Р. Соловьев отвечает на просьбу губернатора Свердловской области Е.В. Куйвашева «следить за языком». Напомним, что конфликт разразился после того, как журналист выразил резко отрицательную оценку Ельцин-центра в Екатеринбурге в интервью с полномочным представителем президента в УрФО В.В. Якушевым в апреле 2022 года (<https://www.youtube.com/watch?v=7PvwxlhBc3s>).

(2) *Это ты мне по понятиям пытаешься что ли предъявить, я должен говорить, как с губернатором? Или следить за базаром? Это ты стрелку забиваешь, губернатор? Уралмашевское прошлое сказывается? Сильный, смелый стал. Я хочу понять, господин губернатор, или как я должен называть – губернатор в законе? Кстати, если Куйвашев маечку снимет, у него там воровские звезды не запыхают?* (<https://www.kommersant.ru/doc/5329801>)

Таким образом, деструктивный компонент в данных текстах представлен оскорбительной лексикой, стилистически сниженной и жаргонной лексикой, ты-обращением, обращением в третьем лице.

Лингвистический статус оскорбления определен в рамках юрислингвистики, процедура лингвистической экспертизы четко прописана (см. например, Brinev, 2014; Ivanishcheva, 2016; Kusov, 2011), поэтому мы не будем останавливаться на этом моменте подробно. В первом случае объектом деструктивного воздействия оказался житель Татарстана, во втором – губернатор Свердловской области. Извинений со стороны телеведущего за оскорбления не последовало, что позволяет отнести данный текст к деструктивным по наличию деструктивной интенции, содержательного компонента и позитивной реакции адресанта.

Интересно отметить, что за последние полгода количество текстов, в которых публичные персоны допускают оскорбительные высказывания в адрес других публичных персон, существенно выросло. В текстах комментариев пользователей присутствуют как порицание, так и одобрение такого коммуникативного поведения. Однако, на наш взгляд, использование средств прямого деструктивного воздействия в выступлениях публичных персон активирует так называемое латентное обучение деструктивной коммуникации, при этом фактор безнаказанности делает данную стратегию особенно привлекательной для различных слоев общества.

Во второй группе текстов прослеживается разделение по объектам деструктивного воздействия: деструктивность в тексте может быть направлена на самого автора (аутодеструктивность), на другой конкретный объект и на множество объектов (класс людей, человечество в целом). Аутодеструктивные тексты включают в себя и суицидальные тексты, где искренность авторской интенции не поддается оценке. Данный тип текстов представляет собой отдельный предмет для изучения (см.: Novikova, 2009). Анализируя такие тексты, приходится исходить из допущения, что намерение непосредственно выражается в действии, если это действие совершено добровольно (Taylor, 1979).

(3) *Через месяц мне будет 26 лет, отношений нет, из родителей осталась толь-*

ко пьющая мать, каждый день напьется и начинает скандалить, либо звонит через каждые полчаса на работу. Недавно умер человек который меня любил и поддерживал. Каждый день мне становится психологически все труднее и труднее, мне кажется что в этой жизни что-то упущено и у меня никогда не было и уже не будет того что было у других. Я не могу никого полюбить и принять. Мне тоскливо и одиноко, кажется что лучше умереть думаю покончить собой в свой день рождения, поставить точку в тот день когда все началось (<https://www.woman.ru/health/psychology/thread/5581067/>)¹.

Данный фрагмент насыщен отрицательными словоформами (*нет, не будет, не было, не могу*), негативно-оценочной лексикой (*пьющая мать, напьется, скандалить, умер, упущено, тоскливо, одиноко, поставить точку* (в жизни)). Использование синонимов «покончить с собой», «поставить точку» и «в день рождения» – «в день, когда всё началось» в антитезе иллюстрирует использование стилистических приемов для выражения деструктивного компонента текста.

(4) Эти жуткие складки, дряблая кожа, усталое лицо. Как я устала подходить к зеркалу и видеть не свое отражение. Я очень зла на свое тело. Оно совсем не похоже на то, какой я хочу быть. И почему целая жизнь, волшебная, может быть, единственная, омрачается тем, что эта груда мяса и костей ни в какую не хочет быть красивой?

Мне хочется стать невидимой. Когда я ловлю на себе взгляды красивых людей, то сжимаюсь в точку. Успокаивает то, что всегда есть кто-то хуже меня, да еще фотографии состарившихся знаменитых красавиц.

Мне 22 года (https://vk.com/wall-40916132_188917).

В данном примере аутодеструктивность выражена путем описания автором своего тела и своего глубоко отрицательно-го отношения к нему. Особенно эффективен прием антиклимакса, когда автор называет

свой возраст после описания «старческой» внешности.

В сети Интернет активно продуцируются и распространяются деструктивные тексты, написанные с использованием так называемого языка вражды, прежде всего на «сайтах ненависти», в блогах, посвященных пропаганде или разжиганию ненависти, а также на форумах и в коммуникации в социальных сетях, в рамках онлайн-игр, предназначенных для подстрекательства к ненависти и розни (см., например, <https://hatewall.su/> <https://antiwomen.ru/>). «Группы ненависти» стремятся формировать сообщества, в которых люди разделяют общую идеологию ненависти. Эти группы также активно привлекают новых членов и распространяют свои взгляды через различные средства электронного общения. Нередко они поощряют и поддерживают преступные действия, основанные на ненависти. Личные блоги ненависти, в свою очередь, становятся площадкой для выражения взглядов и жестких негативных комментариев, создавая напряженную атмосферу в онлайн-пространстве. В примере (5), кроме четкого выражения позиции автора с помощью прямой номинации (*ненавижу*) и указаний на то, что нужно сделать с теми, кто попадает в разряд ненавидимых, может использоваться ненормативная и табуированная лексика (в примере опущена), указывающая на степень проявления деструктивной эмоции.

Я ненавижу мужчин. За то, что они равнодушны, за то, что я не понимаю того, что там – в их головах. Я ненавижу мужчин за то, что они не способны принимать решения, не способны любить, не способны думать. Они самцы – биологический вид, сохранившийся только в силу какой-то эволюционной нелепости. Мужиков – в резервации. Женщины!!!!!! В резервации – мужиков. (<https://proza.ru/2002/05/28-81>)

Наконец, третья группа текстов, имеющих содержательный деструктивный компонент, представляет собой так называемые иницирующие тексты на злободневную тематику и следующие за ними комментарии пользователей, которые, как правило,

¹ Здесь и далее по тексту сохранены авторские орфография и пунктуация (Я.В.)

актуализируют деструктивность самого инициирующего текста. Например, в статье, озаглавленной «Мигрантов из Таджикистана осудят за «хулиганку», но по мотивам национальной ненависти», рассказывается об инциденте в Хабаровске, произошедшем в марте 2023 года возле торгового центра «Южный парк», где уроженцы Таджикистана избili 19-летнего парня после замечания о курении. Особый акцент делается на том, что действия обвиняемых квалифицированы как хулиганство, совершенное группой лиц с применением насилия к гражданам по мотивам национальной ненависти и вражды (<https://dzen.ru/a/ZOATAJZQFwG8eJqH>). Данный текст нельзя отнести к деструктивным по интенциональному признаку. Основная интенция автора – проинформировать читателей и дать официальную оценку произошедшему. Однако в текстах некоторых из комментариев (всего 21 комментарий к этому событию) дается не только однозначная эмоциональная оценка событию, но и содержатся призывы к жестокому наказанию обидчиков, что уже можно расценивать как наличие деструктивного компонента. В примерах комментариев ниже используются эфемизированные призывы к насилию («*надо помочь нашим правоохранителям*», «*пора заканчивать этот беспредел*», «*надо нашим мужчинам защищать своих жен и показать им, кто в России хозяин*»); в отношении представителей Таджикистана используются отрицательные эмотивы «звери-убийцы», дерогативы «точики» и «мастурбеки», обладающие большим деструктивным потенциалом.

(5) *Всё нормально ребята. Процесс пошёл. Собирайтесь в русские общины. Надо помочь нашим правоохранителям. Пора заканчивать этот разгулявшейся беспредел.*

(6) *... азиатские стаи зверей-убийц, совсем озверели. Надо нашим мужчинам защищать своих жён, детей и показать им кто в России хозяин.*

(7) *До 7 лет по этой статье. Мало. Почему бы ещё по ст. 282 мастурбеков не привлечь!? Теперь, главное, чтобы суд не стал на сторону точиков, диаспоры то «работают».*

Специфика репрезентации деструктивности в текстах третьей группы заключается в том, что деструктивность не обязательна в инициирующем тексте, но всегда – в текстах рефлексии, т.е. в комментариях пользователей. При этом деструктивность текстов рефлексии актуализирует либо усиливает (потенциальную) деструктивность исходного текста.

В результате соотнесения понятий агрессии и деструктивности были установлены конститутивные признаки деструктивности как характеристики исключительно человеческой деятельности: интенциональность, эмоциональность, ситуативность, оценочность. Именно связь с человеком как основной точкой отсчета в тексте, интенциональная база и наличие средств языковой репрезентации позволяют рассматривать деструктивность как содержательную категорию текста. Было также показано, что деструктивность текстов обусловлена наличием соответствующей интенции, суть которой – в стремлении унижить / уничтожить объект (который не всегда совпадает с адресатом текста) и/или утвердиться / возвыситься за счет унижения объекта деструктивного воздействия. Именно наличие деструктивной интенции рассматривается как первый и основной параметр деструктивного текста. Деструктивная интенция не является некой абстрактной категорией, оторванной от текста: она воплощается в содержательных компонентах текста. В трех проанализированных группах текстов деструктивный содержательный компонент представлен обцененной лексикой, негативной эмоционально-оценочной лексикой, различными стилистическими приемами (например, повтора и антитезы), а также лексикой со сниженной стилистической окраской. Во многих случаях деструктивный компонент принимает форму побуждения, реализуя установку на физическое уничтожение объекта.

Таким образом, третьим параметром деструктивного текста является нарушение аксиологической структуры текста: в качестве доминантных представлены антиценности – нарушение принципов ко-

оперативности общения, преобладание деструктивных эмоций, стремление понизить статус адресата текста или объекта деструктивности, обозначенного в тексте.

Выводы

Деструктивность как характеристика личности стоит особняком в ряду смежных понятий агрессивности, враждебности и конфликтности. Деструктивность не может быть определена только через разрушение существующих систем и объектов, данное понятие включает в себя намеренное причинение эмоционального и/или физического вреда объекту воздействия, стремление возвыситься за счет унижения/уничтожения объекта и отсутствия эмпатии к объекту.

Деструктивность может рассматриваться как содержательная категория текста, ибо она характеризует человека как точку отсчета в системе координат текста и имеет соответствующее языковое вы-

ражение. Деструктивный текст должен иметь деструктивную интенцию, выраженную языковыми средствами, а также отсутствие сочувствия к объекту деструктивного воздействия, что находит выражение в нарушении аксиологической структуры текста.

Вне поля нашего внимания остались тексты, в которых деструктивный содержательный компонент представлен не оценочной и стилистически сниженной лексикой, а стилистическими приемами иронии и сарказма. Это особый тип деструктивного текста, в котором адресат должен совпадать с адресантом по образованию, воспитанию и в некотором роде по мировоззрению. Диагностика иронии как средства деструктивного воздействия может существенно отличаться в зависимости от подготовки и квалификации «экспертов» и идеологических установок социума. Поэтому анализ такого рода текстов должен стать предметом отдельного исследования.

Список литературы / References

- Belyaeva N. I. *Soderzhatel'nye kategorii hudozhestvennogo teksta i ih yazykovaya eksplikatsiya: na materiale proizvedenij YU. M. Nagibina [Meaningful categories of literary text and their language explanation: based on the works of Yu. M. Nagibin]*. Dissertatsia kandidata filologicheskikh nauk [PhD Thesis], Sankt-Peterburg, 1998, 149.
- Brinev K. I. *Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza metodologii i metodika [Forensic linguistic expertise: methodology and technique]*. Moscow: Flinta, 2014, 300.
- D'iusberi D. *Povedenie zivotnykh. Sravnitel'nye aspekty [Animal behavior. Comparative aspects]*, Moscow: Mir, 1981, 480.
- Dzaraeva N. A. Konfliktologicheskaya kompetentnost' kak odno iz uslovii vospitaniia npravstvennosti v protsesse professional'noy podgotovki [Conflictological competence as one of the conditions for the education of morality in the process of professional training]. In: *Vestnik PGGPU. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of PGGPU. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences]*, 2017, 2(2), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktologicheskaya-kompetentnost-kak-odno-iz-usloviy-vospitaniya-npravstvennosti-v-protsesse-professionalnoy-podgotovki> (accessed 10.01.2024)
- Firth J. R. *The Technique of Semantics*, 1935. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-968X.1935.tb01254.x>
- Fromm È. *Anatomiia chelovecheskoj destruktivnosti [The anatomy of human destructiveness]*, Moscow: Izd-vo AST, 2017, 736.
- Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia. Seriya: Lingvisticheskoe nasledie XX veka [Text as an object of linguistic research. Series: Linguistic heritage of the XX century]*, Moscow: URSS, 2020, 144.
- Gostiunina V. A. *Metod i algoritmy klassifikatsii tekstovoi informatsii po indikatoram destruktivnoi napravlenosti [Method and algorithms for classifying textual information by indicators of destructive orientation]*, Dissertatsia kandidata tekhnicheskikh nauk [PhD Thesis]. Astrakhan', 2021, 146.

Gostyunina V. A., Davidyuk N. V. The combined method of textual information analysis for the content of destructive indicators. In: *Journal of Physics: Conference Series: International Scientific Conference "Conference on Applied Physics, Information Technologies and Engineering – APITECH-2019"*, Krasnoyarsk, 25–27 September 2019, Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations; Polytechnical Institute of Siberian Federal University. 2019, 1399. Krasnoyarsk: Institute of Physics and IOP Publishing Limited, 33109. DOI 10.1088/1742–6596/1399/3/033109.

Ionova S. V. Lingvistika teksta v stremlenii k tochnosti i shirote [Linguistics of the text in the pursuit of accuracy and volume]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, IAzykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2018, 17, 2, 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.1>

Ivanishcheva O. Lingvisticheskaia èkspertiza po delu ob oskorblenii (na materiale sobstvennoi lingvoèkspertnoi deiatel'nosti) [Linguistic expertise in the case of insult (on the basis of our own linguistic expertise)]. In: *IUrislingvistika [Legal Linguistics]*, 2016, 5(16), 132–140. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2016\)513](https://doi.org/10.14258/leglin(2016)513)

Izard K. *Èmotsii cheloveka [Human emotions]*, Moscow: Izd-vo MGU, 1980, 440.

Kopnina G. A., Koshkarova N. N., Skovorodnikov A. P. IAzykovye posledstviia sovremennykh informatsionno-psikhologicheskikh voïn v russkoiazychnykh massmedia: postanovka problemy [Language consequences of modern information-psychological wars in Russian-language mass media: statement of the problem]. In: *Rusistika [Russian Language Studies]*, 2021, 19, 4, 383–400. DOI 10.22363/2618–8163–2021–19–4–383–400.

Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. *Mezhlichnostnoe obshchenie. Uchebnik dlia vuzov [Interpersonal communication. Textbook for higher school]*, SPb.: Piter6 2001, 544.

Kusov G. V. Obshchie i chastnye zadachi kriminalisticheskogo obespecheniia lingvisticheskoi èkspertizy [General and particular tasks of forensic support of linguistic expertise]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]*, 2011, 5–3, 84–89.

Lorents K. *Oborotnaia storona zerkala [The reverse side of the mirror]*. Moscow: Respublika, 1998, 393.

Lotman I. U. M. *Vnutri mysl'ishchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]*, Moscow: Shkola «IAzyki ruskoï kul'tury», 1996, 464.

Lysak I. V. *Filosofsko-antropologicheskii analiz destruktivnoi deiatel'nosti sovremennogo cheloveka [Philosophical-anthropological analysis of the destructive activity of modern man]*, Dissertatsiia doktora filosofskikh nauk [Doctor's degree dissertation], Rostov-na-Donu, 2007, 326.

Moroz S. A. Pozitivnaia rol' konflikta [The positive role of conflict]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2011, 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-rol-konflikta> (accessed: 10.01.2024)

Novikova A. P. *Russkoiazychnye internet-teksty suitsidal'noi tematiki: sistema rechevykh zhanrov i parametry iazykovogo vozdeïstviia [Russian-language Internet texts on suicidal topics: a system of speech genres and parameters of language impact]*, Dissertatsiia kandidata filologicheskikh nauk [PhD Thesis]. Krasnoïarsk, 2009, 199.

Shcherbakova O. I. *Konteksty v konfliktologii [Contexts in conflictology]*, Moscow: MGGU im. M. A. Sholokhova, 2006, 78.

Sherrington Ch. *Integrativnaia deiatel'nost' nervnoi sistemy [Integrative activity of the nervous system]*, Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969, 390.

Shoven R. *Povedenie zhivotnykh [Animal Behavior]*, 2nd ed., Moscow: Librokom, 2009, 488.

Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A., Kolmogorova A. V. Information and Psychological War Linguistics as a Research Project at the Siberian Federal University: Problems and Achievements. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, 12, 10, 1904–1921. DOI 10.17516/1997–1370–0495.

Taylor Ch. Action as Expression. In Diamond, Cora & Teichman, Jenny (eds.) *Intention and Intentionality: Essays in Honour of G. E. M. Anscombe*, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979, 73–89.

Volkova Ya. A. *Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive communication in the cognitive-discursive aspect]*, Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena» 2014, 304.

Zlokazov K. V. Kontent-analiz tekstov destruktivnoĭ napravlennosti [Content analysis of texts of a destructive orientation]. In: *Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics]*, 2015, 1(51), 244–251.